

- Адмони В.Г. Введение в синтаксис современного немецкого языка. — М.: Изд-во лит.-ры, 1955. — 390 с.
- Павлов В.М. Развитие определительного сложного существительного (с первым компонентом — существительным) в немецком языке. Автореф. дисс. ... канд. фил. наук. — Л., 1958. — 16 с.
- Brugmann K. Grundriss der Vergleichenden Grammatik der indogermanischen Sprachen. — Strassburg: Trubner, 1889. — Bd. 2. — 462 S.
- Grimm J. Deutsche Grammatik. — Göttingen, 1822-36; 1870. — 4 Bd.
- Paul H. Prinzipien der Sprachgeschichte. — Halle (Saale): Niemeyer, 1937. — 428 S.
- Wilmanns W. Deutsche Grammatik. — Strassburg: Trubner, 1899. — 2 Abt. — 671 S.

С.М.НАРОЖНЯЯ

г.Белгород

ЛЕКСИКО-ФРАЗЕОЛОГИЧЕСКИЕ ЕДИНИЦЫ С РАЗМЫТОЙ/СОВМЕЩЕННОЙ СЕМАНТИКОЙ В „КОМПЛЕКСЕ И.С. ПЕРЕСВЕТОВА”

Сочинения И.С. Пересветова — публицистический комплекс из произведений разных жанров, обладающих общим фондом лексико-фразеологических единиц [Нарожная, 1998, 2002]. Многозначная лексика ПК относительно немногочисленна (*правда* — 8 ЛСВ, *земля* — 4, *обид* — 3, *судити* — 3 и др.). Полисемантная лексика, не связанная в сочинениях И.С. Пересветова с определенной тематикой, составляет значительную группу, при этом некоторые единицы выступают в 5-6 ЛСВ (*сердце* — 8, *дело* — 5, *великий* — 6, *мудрый* — 4, *прелцатися* — 3, *стояти* — 3 и др.). Особый пласт представляют в ПК лексемы и фраземы с размытой/совмещенной семантикой.

Понятие диффузности значений многозначного слова, размытости лексической семантики „стало существенным инструментом описания” диалектного (Оссовецкий, 1982) и фольклорного слова (Хроленко, 1992) [Никитина, 1997, 362]. Для нас является существенным понятие о типе диффузии, связанном с взаимопроникновением значений внутри многозначного слова, когда, согласно Д.Н. Шмелеву, „значения, различающиеся в одних контекстах, не различаются в других, выступая нераздельно” [Никитина, 1997, 363]). Диффузность этого типа связана, по мнению С.Е. Никитиной, с наличием либо так называемого главного значения слова, либо глубинного семиотического/символического значения, объединяющего своим присутствием значения другого уровня, или с тем и другим вместе [Никитина, 1997, 363]. Отметим специфику такого рода совмещения отдельных значений — „их разграничение не осуществляется (и не представляется необходимым)” (выделено нами — С.Н.) [ЛЭС, 382].

С другой стороны, „совмещение (синтез) дифференциальных струк-

турных и семантических единиц языка (некоторых разрядов слов, значений, предложений, членов предложения и др.), противопоставленных друг другу в системе языка и связанных явлением переходности”, относятся к синкретичным — „гибридным (контаминационным, промежуточным, диффузным)” — образованиям” [ЛЭС, 446]. Подобная оригинальность семантической структуры обнаруживается при компонентном анализе, когда устанавливается, что „семантические компоненты ... выступают нерасчлененно, в виде скрытых потенциальных сем”, при этом „тот или иной компонент может доминировать, придавая слову соответствующее значение” [Дмитриева, 1988, 34-38]. Синкретизм рассматривается и как особенность лексической семантики в древности, как „недробимое единство смыслов”, „исходная нерасчлененность ... значений”, с течением времени распадавшаяся „на отдельные грани смысла” [Колесов, 2000, 273, 279]. „Первобытная мысль диффузивна, синкретична, неотделима от сферы эмоциональной, аффективной” [Мелетинский, 2000, 24], потому, вероятно, в исследовании диахронического характера нерасчлененности лексической семантики не требует строгой терминологической дифференциации.

Наши наблюдения над лексико-фразеологическими единицами нерасчлененной семантики в сочинениях ПК позволяют говорить о наличии двух типов синтеза лексического значения: 1) диффузии (размытости, нерасчлененности) и 2) определяемого скорее как синкретизм (соединение, совмещение в семантике одной единицы разных ЛСВ). Покажем наиболее яркие факты использования в сочинениях И.Пересветова лексем и фразем особой семантики первого и второго типов.

Диффузность, размытость лексического значения можно наблюдать в тех случаях, которые отражают связь лексем и фразем с религиозной и военной тематикой.

Понятие о Боге в христианстве неразрывно связано с представлением о триединстве Бога-отца, Бога-сына и Бога-святого духа. В ПК видны разные способы презентации понятия о Всевышнем. Так, в качестве наиболее общего используются номинации Бог и господь, причем Бог — основная лексическая единица с предельно обобщенным значением — ‘верховное существо, сотворившее мир и управляющее им’ [Цыганенко, 1989, 36]: *Да приказал судиям: „Не дружитесь с неправдою, да не гневити бога да держитесь правды, что бог любит”* (153)³. В ряде случаев Бог употребляется и в сочетании со словом господь: *Любячи господь бог веру христианскую, что такового царя создал мудрого воинника* (162). Понятие о Боге-отце в наших текстах выступает, предположительно, лишь в одном случае: *Правда богу и отцу сердечная радость* (177). Возможно,

³ Ссылки на: Сочинения И.Пересветова.— М.:Л.: Изд-во АН СССР, 1956. даются с сохранением орфографии и пунктуации; цифра, данная в скобках, указывает страницу.

различаются Бог и Бог-Отец, но чаще представления о верховном божестве соединяются, накладываясь.

Троица — 'одно из основных положений христианской религии': *в едином божестве неразделимые едино божество и сила* (181). Здесь не толкуются ее компоненты, а вводится главный признак: троица в целом представляет и божество и силу.

Два сочетания выступают в общем контексте из Сказания о Магмете-салтане: *А стояти... доколе десятера приказания отец его духовный проговори евангельские притчи: не лжи, не кради, на лжи послух не буди, чти отца и матерь, люби ближняго своего яко сам себя* (154). **Десятера приказания** — 'Моисеево десятисловие, заповеди ветхозаветного декалога' [КНАС, 1964, 223]. Сочетание **притчи евангельские** являются в приведенном контексте приложением к словосочетанию **десятера приказания**. Вероятно, здесь слово **притча** используется для указания на нравоучительный характер десятисловия, а прилагательное **евангельские** употреблено в обобщающем, размытом значении — 'в книгах Священного Писания'.

Поклонитися — 'выразить свою покорность' [СлРЯ XI-XVII вв., 16, с. 160]. (ср. также: ... 'признавать Богом' [Даль, 1994, III, 241]) : *все ему (Христу — С.Н.) колена поклонилися* (176). В современной фразеологии отмечаем сочетание **преклонять/преклонить колена/колени перед кем/чем** — 1) 'покоряться, смиряться, признавать чью-л. власть над собой'; 2) 'с уважением, почтением относиться к кому-л. или чему-л.' [ОСМ, 1986, 352]. Представляется, что в приведенном контексте из Большой челобитной ПК у глагольно-именного сочетания **колена поклонитися** нерасчлененная, диффузная семантика.

Сочетание **держати крестное целование**, связано с понятием о присяге. Его значение определяет глагольный компонент: *И в том на обе страны много греха сотворяют ... не крепко крестное целование держат ... чем вера христианская украшена, а оне того крепко не держат* (173-174). Здесь **держати крестное целование** — 'выполнять присягу' [Ср.: СлРЯ XI-XVII, 4, 225]. В этом контексте есть важное примечание автора, позволяющее, по нашему мнению, предположить: **крестное целование** не столько собственно атрибут судебного процесса, сколько напоминание о ценности христианской морали.

Слава — 'почетная известность как свидетельство всеобщего признания чьих-л. заслуг, таланта и т.п.' [Цыганенко, 1989, 382]: *Годится таковому царю воинскому ... после себя иному царю оставити таковыя дела и славу свою царскую* (171). Существительное **слава**, как представляется, в большей степени означает здесь уважение со стороны зарубежных государей к правителю в связи с уважением к стране в целом, а не только к личной деятельности царя. Сравним: в другом случае это существительное скорее свидетельствует об индивидуальном желании выдвинуть-

ся из общего ряда и тем самым облегчить свое положение: *У нынешняго царя турскаго полоняник был да удался против недруга крепко стояти ... для того их (воинов из пленных — С.Н.) слава повышено* (158).

Славный — ‘пользующийся славой, достойный славы’: *Мудр царь, что воином сердце веселит, — воинниками он силен и славен* (156). В этом случае возможно двойное понимание контекста: 1) воины добывают славу и дают силу царю; 2) мудрый царь будет иметь сильных и достойных славы воинов. В любом случае одна из основных идей ПК находит здесь аргументацию.

Имя существительное **счастье** используется в ПК в ЛСВ ‘успех, удача’: *то есть чародеи и еретики, у царя счастье отнимают и мудрость царскую ... и воинство кроят* (178). Вероятно, для И.Пересветова **счастье царя** — это не столько личное счастье человека, сколько успехи руководителя государства, опирающегося на своих преданных слуг.

Лексема **воинство** относится в ПК к ключевым, а потому частотным. Отмечаем реализацию четырех ЛСВ этого существительного — 1) ‘собрание, объединение воинов, войско’; 2) ‘военный талант, полководческие способности’; 3) ‘воинственность; воинский дух, храбрость’; 4) ‘образ жизни служилого человека, воинская служба’. Автор мастерски использует семантические возможности этой лексемы, включая в один контекст словоформы в разных ЛСВ: *А инья воинники, видячи тот непризор благовернаго царя к воинству* (ЛСВ-1), *и они, оставивше воинство* (ЛСВ-4), *да на мытарствах прелциалися* (179). Словесную игру, основанную на использовании в контексте не только разных ЛСВ существительного **воинство**, но и на возможности диффузии, отмечаем в Большой челобитной ПК: *Таковых годится огнем жеци и инья лютыя смерти им давати, чтобы лиха не множилося; без лица им вина, что воинство* (ЛСВ—2 / 3) *у царя кроят и мысль царскую отнимают. А царю без воинства не мочно быти: аггели божии небесныя силы, и те ни на един час пламеннаго оружия из рук своих не опуцают, стрегут рода человеческого от всякия пакости от Адама и до сего часа, да и те службою своею не скучают* (следовательно, в этом фрагменте совмещены ЛСВ- 4 / 3). *А царю как без воинства быти? Воинником царь силен и славен* (ЛСВ-1) (178).

В сочетании с существительным **недруг** прилагательное **государев** также выступает в нерасчлененном, диффузном значении: *Который воинник лют будет против недруга государева играти смертною игрою и крепко будет за веру христианскую стояти, ино таковым воинником имена возвышати* (175). Здесь **недруг** — не только ‘военный противник — военачальник’, поскольку сражаться рядовой воинник будет в первую очередь с рядовыми воинами. Отсюда **недруг государев** — ‘военный противник, рядовой и военачальник’.

Более разнообразны по содержанию контексты, в которых совмещенность семантики лексем и фразем мы определяем как синкретизм.

Существительное **воевода** в ПК отмечаем только в Большой чело-

ной, в которой чаяния публициста вложены в уста Петра, волоского (кашского) воеводы. Прототипом этого человека считается конкретное историческое лицо — Петр IV Рареш, правивший в 1527-1538, 1541-1546 гг.: *Ехал есми, государь, из Югор на Волоскую землю и был есми пять лет у Петра, волоского воеводы, в Сочаеве* (173). Пересветов использует термин воевода как синкретичный, обозначая им 'главу военной и гражданской администрации' Валахии.

Султанская Турция в ряде контекстов в ПК называется царством, но при этом часто присутствует антропоним Магмет-салтан: *Царь же Магмет велико о том умудрился, кое великую правду во царство свое ввел* (154). В следующем случае при словоформе царство одновременно используется два местоимения: *А суд дал полатный во все царство свое судить без противня* (174). Вероятно, сочетание все царство свое означает не только Турцию, но и другие земли, завоеванные Магмет—салтаном и присоединенные к ней. В ПК этот нюанс важен: создание сочинений Пересветова предшествовало походу войск русского царя на Казань.

Существительное милостыня выступает в исследуемых текстах в трех ЛСВ: 1) 'Милосердие, сострадание, сочувствие' [СлРЯ XI-XVII, 9, 135]: *Пишет о милостыни мудрец* (168); 2) 'Милостыня, подавание': *Ино уней... раздати же милостыню* (169); 3) 'Дар, пожертвование отдельному лицу или в пользу церкви': *подобает от праведнаго труда творити милостыню* (168). В следующем контексте семантика слова милостыня синкретична: *несть бо то милостыни, еже от лихоимства* (169).

Имя существительное хлеб несет двойную смысловую нагрузку, обозначая и продукт питания, и — шире — продукт деятельности человека: *бог приказал Адаму... в поте лица ясти хлеб* (180-181).

Существительные камение, злато, сребро в общем контексте означают и — буквально — 'драгоценные камни и металлы', и — символически — 'богатство': (вельможи - С.Н.) *неправедными суды своими... казны свои наполнили златом и сребром и многоценным камением* (166).

Сочетание свет и тьма имеет в сочинениях ПК значительную смысловую нагрузку: *И по грехом по нашим сталося, что впали есмя неверному в неволю иноплемяннику для беззакония великаго греческаго, что греки тьмы для да свет оставили, во всем в ересь впали и бога разгневити неутолимым гневом* (180). Свет — тот архетипический образ общечеловеческой культуры, мимо которого не прошла ни одна из мировых религий. Традиционно образ света — обозначение исключительно положительной сущности, это символ Бога, любви, надежды, душевной радости, при этом именно христианская картина мира построена на прямом противопоставлении, полярности, непримиримости света (Бога) и тьмы (дьявола) [Дубенко, 1994, 260]. Отсюда, полагаем, возможен ряд ассоциаций, заданных приведенным контекстом: беззаконие — тьма, а следовательно, его источник — дьявол. Значит, справедливость, законность, —

„правда”, по Пересветову, — это то, что связано с божественным началом. Источником света — „правды”, — в соответствии с представлениями автора, могут быть книги. Вероятно, отсюда возможно выделение еще одной пары ЛСВ-антонимов для лексем свет и тьма — ‘просвещенность’ и — соответственно — ‘невежество’ (ср.: в известной поговорке также отражается это противопоставление: ученье — свет, а неученье — тьма). Таким образом, представляется возможным говорить о синкретичной семантике лексем свет и тьма, использованной автором, на наш взгляд, весьма удачно.

Употребление лексемы дияволский в ПК своеобразно: ее словоформа совмещает относительное и качественное значения: *Видите ли то, яко они богати, тако и ленивы* (вельможи царя Константина — С.Н.)...и...*дияволскими прелестыми мудрость его и щастие укротили* (152); (Вельможи царя Константина — С.Н.) *Нечисто богатели дияволским прелщением* (180). Здесь дияволский — ‘подобный тому, который свойствен дьяволу’ и ‘в высшей степени коварный, антибожественный’.

Прилагательное лукавый используется в сочинениях И.Пересветова чаще в сочетании с судебно-юридической лексикой. В одном случае оно выступает при существительном дело: *Лукавыя судии ... посрамятся дел своих лукавых, да будут и сами о себе дивитися, что лукаво судили, а нечисто собирали* (172).оборот лукавые дела является перифразой для именования незаконных действий судей. Здесь реализуется одновременно два ЛСВ слова лукавый — ‘лживый’ и ‘дурной, злой, коварный’ [МС, II(1), с. 51].

Слезный — перен., ‘вызывающий обильные слезы’: *суд был их* (вельмож царя Константина — С.Н.) *лукав и слезен* (150). В данном контексте, таким образом, содержится не только характеристика судопроизводства, но и обозначена реакция на него.

Прилагательное иноплемяннический использовано в ПК для указания не только на принадлежность к иному народу (‘иноземец’), но и одновременно на приверженность другому вероисповеданию: *видится грузко и сердцу твоему кручина великая иноплемянническая поругания Христу богу нашему* (148). Кроме того, во всех случаях лексема иноплемяннический означает в ПК также военного противника.

В сочетании с существительным честь прилагательное государев имеет особую семантику: *как служили* (Пересвет и Ослябя — С.Н.) *верно государем, руским князем... при великом князе Дмитрии Ивановиче за веру христианскую и за святыя церкви и за честь государеву пострадали и главы свои положили* (171). Здесь честь государева — это и честь князя, и авторитет его государства, и собственная — монахов Пересвета и Осляби — честь, и крепость, нерушимость христианской веры.

Устойчивое в ПК сочетание (великая) мудрость воинская имеет значение ‘совокупность знаний в военном деле’ [СлРЯ XI-XVII вв., 9, с. 298]. В большей части контекстов, полагаем, семантика данного УСС шире:

не только 'совокупность знаний', но и 'воинский опыт, навыки': и начал трезвиться от юности своя и начал приходить к великой мудрости к воинской и к приращению своему царскому (152). Характерно, что это УСС используется в ПК в связи с упоминанием исторических персонажей, являющихся отрицательным или положительным примерами для подтверждения некоторых из основных идей И.Пересветова, в том числе о воинской миссии царя.

Связь глагола ухитрити с существительным хитрость и общий тон следующего контекста обеспечивает негативную коннотацию для глагольной лексемы: И меч его царской обнизили ... и оне (вельможи — С.Н.) то ухитрили ересью своєю (152). Ср.: Лукавый тебя ухитрил на такое дело [Д., IV, с. 325]. Ухитрити — 'измыслить, придумать, создать' [Срезневский, III(2), 1931]. Таким образом, глагол ухитрити в ПК выступает как лексема с синтетической семантикой — 'придумать и сделать нечто коварное'.

Лгати в следующем контексте означает не только 'говорить ложь', но и 'изменять': а крепко за веру христианскую не стоят ..., тем богу лгут и государю (175).

Интересен следующий фрагмент: и царя благовернаго потребили иноплемяническим мечем (178). Речь идет и о физической смерти царя Константина во время завоевания турками Константинополя, и о поражении его как полководца, а иноплемянический меч здесь — воинский талант и доблесть его ангипода, турецкого султана Магмета. В расширенном контексте приведенное высказывание выступает как предостережение.

Употребление лексемы наход в ПК связано с реализацией двух ее ЛСВ в составе устойчивого сочетания боронити от находу: 1) 'нападение' и 2) 'поругание'. Однако в следующем контексте существительное наход означает не только вторжение (на территорию), нападение на государство, т.е. военные действия буквально, но и поругание веры: Ленилися греки за христианскую веру крепко стояти против неверных, и они ныне неволю бусурманскую веру боронят от находу (170).

Сочетание стояти крепко в значении 'сражаться' распространяется именными компонентами — предложно-падежной формой против недруга или сочетанием за веру христианскую: Ино у царя кто против недруга крепко стоит ... , и он его на величество подымает (158); Ленилися греки за христианскую веру крепко стояти против неверных (170). Во втором контексте предложно-падежная форма против неверных позволяет автору подчеркнуть, что в средневековой Европе религиозное противостояние, безусловно, означало и военное.

Приведенный материал весьма показателен: размытость/совмещенность семантики лексико-фразеологических единиц в сочинениях И.Пересветова — текстах преднационального периода — следует рассматривать как определенный этап процесса развития лексико-семантической системы,

сложившейся исторически и несущей в себе информацию о своем становлении. Важно отметить, что нерасчлененность семантики лексико-фразеологических единиц достаточно часто используется автором ПК как специфическое стилистическое средство публицистического текста.

Литература

1. Даль В.И. Толковый словарь живого великорусского языка: В 4 т.— М.: Терра, 1994.
2. Дмитриева В.С. Компонентный анализ семантической структуры имен существительных, обозначающих атмосферные осадки // Значение и форма слова /Межвуз. темат. сб. научн. трудов.— Калинин, 1988.
3. Дубенко В.Ю. О различной трактовке образа света в англо-американских и украинских поэтических текстах // Половины XX века // Язык и культура: III Международ. конф.: Доклады.— Т.1.— Киев, 1994.
4. Краткий научно-атеистический словарь.— М.: Наука, 1964.
5. Колесов В.В. Древняя Русь: наследие в слове. Мир человека.— СПб.: Филол. факультет гос. ун-та, 2000.
6. Лингвистический энциклопедический словарь. / Гл.ред. В.Н. Ярцева. М.: Сов. энциклопедия, 1990.
7. Мелетинский Е.М. От мифа к литературе.— М., 2000.
8. Нарожняя С.М. Фонд апеллятивной лексики «Комплекса И.С.Пересветова»: Дисс... канд.филол.наук.— Белгород, 1998.
9. Нарожняя С.М. Фразеология „Комплекса И.С. Пересветова” — стипеобразующий компонент публицистического текста // Фразеология и миропонимание народа: Материалы Междунар. науч. конф.: В 2 ч.— Ч.2. Фразеология и межкультурная коммуникация / Сост. В.Т. Бондаренко, Г.В. Токарев.— Тула: Изд-во Тул.гос.пед. ун-та им. Л.Н. Толстого, 2002.— С.187-192.
10. Никитина С.Е. О многозначности, диффузии значений и синонимии в тезаурусе языка фольклора // Облик слова/ Сб.ст. РАН ИРЯ.— М., 1997.
11. Словарь русского языка XI-XVII вв.— М., 1975 и сл.
12. Сочинения И.Пересветова /Подготовил текст А.А.Зимин. /Под ред. Д.С. Пихачева.— М.;Л.: Изд-во АН СССР, 1956.
13. Срезневский И.И. Словарь древнерусского языка. Репринтное изд-е.— Т.1-3.— М.: Книга, 1989.
14. Фразеологический словарь русского языка /Под ред. А.И. Молоткова.— М.: Русский язык, 1986.
15. Цыганенко Г.П. Этимологический словарь русского языка.— Киев: Радянська школа, 1989.

М.В. НАУМОВА
г. Череповец

ПРИНЦИПЫ КОММУНИКАТИВНО-ПРАГМАТИЧЕСКОГО КОНСТИТУИРОВАНИЯ ДИАЛОГИЧЕСКОЙ РЕЧИ

Для изучения закономерностей конституирования диалогической речи, в том числе и интеррогативного диалога крайне важно знать каким образом строится диалогическая речь, каких правил и принципов придерживаются коммуниканты, чтобы диалогическая коммуникация была успешна (неуспешна).